

4.

Переводы и публикации

Иоганн Вольфганг Гёте

Платон как товарищ христианскому откровению (1796, по поводу одного перевода)

JOHANN WOLFGANG VON GOETHE

PLATO AS PARTY TO A CHRISTIAN REVELATION (1796, APROPOS OF A TRANSLATION)

(TR. AND INTR. A. GARADJA)

ABSTRACT. The publication presents a new Russian translation, with a brief Introduction, of a note by Johann Wolfgang von Goethe entitled *Plato, als Mitgenosse einer christlicher Offenbarung* (1796). Declaiming against self-righteous Christian appropriation of Plato, Goethe identifies his dialogue *Ion* as a “sheer mockery” (*persiflage*) on the part of Plato the writer, and at the same time emphasizes the value of Aristophanes for his adequate understanding. These points, writing-in-mockery and the stress on Aristophanes, are also characteristic of the so-called dramatic approach to Plato’s works.

KEYWORDS: Goethe, Plato, *Ion*, Aristophanes, dramatic approach.

В последние годы 18 века интеллектуалы Германии, прежде всего два Фридриха, Шлегель и Шлейермахер, активно обсуждают идею *критического* издания немецкого Платона: Шлейермахер реализует этот замысел чуть позже (в 1804–1828). А пока суть да дело, ещё один Фридрих, граф Фридрих Леопольд цу Штольберг (1750–1819), выносит свой собственный перевод избранных диалогов Платона (Stolberg 1796–1797) на суд общественности. И общественность незамедлительно встаёт на дыбы. Вот фрагмент из письма Шиллера Гёте: «А штольберговское предисловие — просто ужас какой-то! Как и надменная духовность, самоуверенная импотенция и натужное, явно лишь натужное благо-

© А.В. Гараджа (Москва). agaradja@yandex.ru. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный университет.

чество — прямо в предисловии восхвалять за Платона Иисуса Христа!» (Stein 1944: 162–163). А вот что напишет вскоре вслед за тем Гёте Вильгельму фон Гумбольдту: «Видели вы чудовищное предисловие Штольберга к его *Платоновским диалогам*? Досадно, право, что он-таки не уродился попом, ведь это настолько в характере — без стыда и совести пред всем образованным миром возносить в качестве Бога облатку и подавать для почитания откровенный персифляж — например, *Иона*, — под видом канонической книги» (Bratranek 1876: 9).

Это же новомодное в ту пору французское — точнее, парижское — словечко *persiflage* ('ехидство, зубоскальство, издевательство'), продукт искромётного 18 века, Гёте использует и в своей небольшой заметке того же периода. С её легко ироничным названием, заметка эта, впрочем, не останавливается на опровержении попыток укоренить и застолбить Платона в «святой земле» пророков и пастырей, она идёт дальше — предлагая в качестве альтернативы рассмотреть «священную территорию» аристофановского театра.

Не случайно внимание Гёте сосредоточено здесь на «Ионе» — диалоге, который долго и упорно пытались отчислить из категории подлинных. Тот же Шлейермахер будет питать на этот счёт известные сомнения. Признание черт несерьёзности, насмешки, иронии в сочинениях Платона — а значит, и признание Платона *писателем* прежде всего — всегда остаётся довольно хрупкой позицией: её всегда готовы сокрушить тяжёлой артиллерией столбовой идеологии — неважно, христианской или любой другой, — которая всегда, указуя перстом горé, чурается низменной текстовой реальности.

Чуткость к платоновской иронии и осознание значимости Аристофана — эти две черты характеризуют также и т.н. драматический подход к творчеству Платона. Этим объясняется неожиданная актуальность заметки Гёте. И тем более она актуальна для нынешней России, где за «Платона» чаще всего принимают некие оторванные от языковой реальности «философские» клише, почерпнутые в четырёхтомном талмуде разномастных и большей частью устаревших переводов; где, как и в Германии конца 18 века, давно назрела необходимость в новом *критическом* издании Платона в переводе.

Что касается заметки Гёте, то какого-либо прежнего русского перевода этого текста мне обнаружить не удалось. Во всяком случае, его нет в достаточно полном десятитомном Собрании сочинений (Аникст, Вильмонт 1975–1980).

Никто не поверит, что получил достаточно от вечного Творца, если бы должен был признать, что обо всех его собратях тот позаботился таким же точно образом. Нет, какая-то особенная книга, какой-то особенный пророк специально для него предопределили жизненный путь — и только на нём одном все вообще должны устремляться к спасению.

И как же всегда удивлялись все приверженцы такой теории исключительности, когда и за пределами своего круга обнаруживали разумных и добрых людей, стремившихся довести до совершенства собственную моральную природу! Не оставалось ничего другого, как допустить откровение и для этих последних — какое-то, может быть, особое откровение.

Что ж, такого мнения всегда будут держаться те, кто ищет себе преимуществ — и присуждает себе таковые, — кого не радует вид просторного Божьего мира, познание Его всеобъемлющего, непрерывного и непрерываемого воздействия; кто, больше того, считает вполне естественными привилегии, исключения и чудеса на счету у себя любимых, у своей церкви и школы.

Вот и Платон, уже и раньше удостоенный чести товарища христианскому откровению, здесь тоже сызнова представляется нам в этом качестве.

В случае с таким писателем — которому при всех его великих заслугах, очевидно, непросто отвести от себя упреки в разного рода софистических и теургических ухищрениях — крайне не помешало бы критическое, ясное изображение обстоятельств, при которых он писал, и мотивов, исходя из которых он писал. Таковую потребность чувствует каждый, кто читает его не с целью некоего туманного самообразования — подобное по плечу куда меньшим писателям, — а чтобы познакомиться с выдающимся человеком во всей его индивидуальности: ведь подлинно образовывает нас не видимость того, чем могли быть другие люди, а познание того, чем они действительно были и пребывают.

Какую признательность заслужил бы от нас переводчик, если бы вдобавок к разъяснительным примечаниям предпослал своей

работе краткое введение, где изложил бы вероятные обстоятельства древнего писателя, а также содержание и цель каждого из его сочинений (как сделал Виланд со своим переводом Горация)!

Как, например, получилось, что в качестве канонической книги преподносится «Ион», когда этот маленький диалог — не что иное, как *персифляж*. Потому, видимо, что под конец речь заходит там о божественном вдохновении! Да только Сократ здесь, как и в разных других местах, высказывается лишь иронически.

Всякое философское сочинение пронизает некая полемическая нить, пусть и едва заметная; тот, кто философствует, не в ладах со способами представления, принятыми у его предшественников и современников, вот почему диалоги Платона часто нацелены не только *на* что-то, но и *против* чего-то. Как раз это двойное «нечто» переводчику надлежит распутать (возможно, более внимательно, чем это случалось прежде) и удобно преподнести немецкому читателю — решение такой задачи составило бы неоценимую заслугу переводчика.

Добавим, если позволите, ещё несколько слов об «Ионе» в этом же ключе.

Маска платоновского Сократа — ведь именно так и надо, видимо, называть ту фантастическую фигуру, в которой Сократ не более чем в аристофановской мог узнать своё зеркальное подобие — встречает некоего рапсода, чтеца, декламатора, который прославился своей лекцией о гомеровских поэмах и только что получил за это награду, а вскоре рассчитывает получить и другую. Этого-то Иона Платон рисует нам человеком крайне ограниченным, который умеет, конечно, с выражением зачитывать гомеровские поэмы и трогать сердца слушателей, но также дерзает и высказываться о Гомере — причём, очевидно, больше для пояснения, чем толкования, встречающихся у поэта мест, больше для того, чтобы просто сказать что-то по данному поводу, чем чтобы своим истолкованием действительно приблизить дух поэта к своим слушателям. Ведь каким же ещё мог быть человек, который честно признаётся, что засыпает, когда при нём зачитывают

либо толкуют стихи других поэтов! Как видно, только благодаря преданию и упражнению подобный человек мог приобрести свой талант. Вероятно, в этом ему благоприятствовали приятная внешность, хороший голос, сердце, способное чувствовать; но при всём этом он оставался натуралистом, голым эмпириком, не думавшим ни о своём собственном искусстве, ни о произведении искусства как таковом: он лишь механически вращался в своём узком кругу, однако же считался художником, да и всей Грецией, вероятней всего, принимался за великого художника. За такого-то простеца и берётся платоновский Сократ, чтобы растоптать его в пух и прах. Сперва он даёт ему почувствовать свою ограниченность, затем показывает, что он вообще-то мало что понимает в гомеровских тонкостях, наконец, когда бедняга уже совсем растерян, вынуждает его признать себя человеком, который одухотворён напрямую божественным вдохновением.

Если мы заступаем тут на святую почву, пусть и аристофановский театр окажется священным местом. Здесь ни маска Сократа не старается кроме шуток обратить Иона, ни в замысел автора не входит наставление читателя. Ион — прославляемый, восхищаемый, увенчиваемый, вознаграждаемый — должен предстать здесь во всей своей наготе, и название, собственно, должно было звучать как «Ион, или посрамлённый рапсод», ибо о поэзии во всём диалоге речи не идёт.

Вообще, в этом диалоге, как и в других платоновских, бросается в глаза невероятная тупость некоторых персонажей — дабы один только Сократ мог представлять истинно мудрым. Случись у Иона хотя бы проблеск знания о поэзии, то на нелепый вопрос Сократа — кого Гомер, говоря о вознице, понимает лучше, возничего или рапсода? — он бы смело ответил: «Конечно, рапсода: ведь возница знает лишь, говорит ли Гомер *правильно*; проницательный же рапсод знает, говорит ли тот *надлежаще*, исполняет ли свой долг именно как поэт, а не просто как описатель состязания». Для оценки эпического поэта принимаются в расчёт лишь интуиция и чувство, а не конкретное знание, — хотя также и об-

щее обозрение мира и всего, что к нему относится. Так для чего же здесь прибегать к божественному вдохновению, если только, конечно, не просто ради того, чтобы кого-то мистифицировать? В сфере искусств мы знаем много случаев, когда не только что о сапогах судить сапожнику — когда художник находит необходимым полностью пожертвовать второстепенными деталями ради высших целей. Мне и самому доводилось в жизни встречать не одного возницу, критиковавшего изображения на древних камнях лошадей без упряжи, которые всё равно, тем не менее, будто бы тянут повозку. Конечно, возница был прав, находя это совершенно неестественным, однако прав был и художник, не желавший нарушать неловкими линиями прекрасную форму тела своей лошади. Эти измышления, эти иероглифы, в которых нуждается всякое искусство, крайне слабо понимается всеми, кто требует, чтобы всё истинное было естественным, и тем самым вырывает искусство из его сферы. Неоднозначные высказывания древних и знаменитых писателей, которые в своём контексте могут выглядеть вполне уместно даже без оговорок об их относительной ложности, не должны, однако, воспроизводиться без дополнительных пояснений — как и фальшивое учение о вдохновении.

Часто случается, что человеку, начисто обделённому поэтическим гением, удаётся написать славную, достойную всяческой похвалы поэму, но это лишь показывает, чего могут достичь живая заинтересованность, удачный настрой и страсть. Допускается, что и ненависть восполняет гений, и то же можно сказать о любой страсти, побуждающей нас к действию. Признанный же поэт лишь в отдельные моменты способен выказать свой талант на высочайшем уровне, и эта особенность человеческого духа может быть объяснена психологически, не требуя обращения к чудесам и из ряда вон выходящим эффектам: хватило бы только терпения исследовать естественные явления, знание которых предоставляет нам наука — чьи достижения, впрочем, удобней надменно игнорировать, нежели внимательно и досконально в них вникать.

Бросается в глаза в этом платоновском диалоге то, как Ион, после того как он признал своё невежество в нескольких искусствах — предсказания, возническом, врачевания и рыбной ловли, — под конец утверждает, однако, что чувствует себя особенно пригодным для того, чтобы быть полководцем. Вероятно, то было излюбленным коньком этого талантливой, но нелепого индивида, причудой, завладевшей им, возможно, вследствие его тесного общения с гомеровскими героями, о которой было известно и его слушателям. Разве и мы не замечали этой и подобных причуд у людей более разумных, нежели то, каким выказывает себя здесь Ион? Кто в наше время скрывает высокое мнение о себе самом, воображая, что и он окажется в полку не на последних ролях?

С истинно аристофановским ехидством Платон отсрочивает последний удар для нашего бедного грешника, который пребывает теперь в полной растерянности, и когда Сократ предлагает ему на выбор звание негодяя либо Божьего человека, естественно, хватается за последнее, притом в полном затмении вежливо благодарит за то, что его выставили дураком. И вправду, если это святая земля, пусть и аристофановский театр почитается священной территорией!

Конечно, тот, кто объяснил бы нам, что именно люди вроде Платона говорили всерьёз, шутя и полушутя, что из убеждения, а что — лишь разговора ради, тот оказал бы нам исключительную услугу и сделал бы огромный вклад в наше образование. Ибо минули времена, когда сивиллы вещали из подземелья: мы требуем критики и хотим иметь возможность вынести суждение, прежде чем принять что-либо и применить к себе.

Источники и литература

- Аникст, Вильмонт 1975–1980 — Иоганн Вольфганг Гете. Собрание сочинений в 10 томах / Под общ. ред. Н. Вильмонта, В. Сучкова, А. Аникста. Москва: «Художественная литература», 1975–1980.
- Bratranek 1876 — Goethe's Briefwechsel mit den Gebrüdern von Humboldt (1795–1832) / Im Auftrage der von Goethe'schen Familie herausgegeben von F.Ch. Bratranek. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1876.
- Eckermann, Rieme 1833 — Plato, als Mitgenosse einer christlicher Offenbarung (Im Jahre 1796 durch eine Übersetzung veranlaßt) // Goethes Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand. Nachgelassene Werke / Hrsg. von J.P. Eckermann und F.W. Rieme. Bd. 46. Stuttgart und Tübingen: Cotta, 1833. S. 22–30.
- Flashar 1963 — Platon. Ion / Griechisch und deutsch hrsg. von Helmut Flashar. München: Ernst Heimeran Verlag, 1963.
- Grumach 1949 — Plato // Goethe und die Antike: Eine Sammlung. Bd. 2. Berlin: Walter de Gruyter, 1949. S. 753–768.
- Stein 1944 — Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe in den Jahren 1794 bis 1805 / Hrsg. von Philipp Stein. Bd. 1: 1794–1796. Leipzig: Reclam, 1944.
- Stolberg 1796–1797 — Auserlesene Gespräche des Platon / übersetzt von Friedrich Leopold Graf zu Stolberg. Theile 1–2. Königsberg: Friedrich Nicolovius, 1796–1797.
- Trunz, Schrimpf 1982 — Plato, als Mitgenosse einer christlicher Offenbarung (Im Jahre 1796 durch eine Übersetzung veranlaßt) // Goethes Werke. Bd. 12: Schriften zur Kunst. Schriften Zur Literatur. Maximen und Reflexionen / Textkritisch durchgesehen von E. Trunz und H.J. Schrimpf; Kommentiert von H. von Einem und H.J. Schrimpf. München: Verlag C.H. Beck, 1982¹⁰. S. 244–249.
- WA — Plato, als Mitgenosse einer christlicher Offenbarung (Im Jahre 1796 durch eine Übersetzung veranlaßt) // Goethes Werke / Hrsg. im Auftrage der Großherzogin Sophie von Sachsen [Sophien- oder Weimarer Ausgabe]. Abt. I. Bd. 41.2. Weimar: H. Böhlau Nachfolger, 1903. S. 169–176.
- Assandri 2008 — *Assandri, Pablo*. Ion, oder der beschämte Rhapsode. Über Treue und Untreue in Goethes „Plato, als Mitgenosse einer christlicher Offenbarung“ // Texttreue: komparatistische Studien zu einem masslosen Maßstab / Hrsg. von Jürg Berthold und Boris Previšić. Bern, etc.: Peter Lang, 2008. S. 55–66.
- Moore 1974 — *Moore, John D.* The Dating of Plato's *Ion* // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Vol 15. No. 4 (1974). P. 421–439.